

Привет, сосед!

Автор:

Лея Кейн

Привет, сосед!

Лея Кейн

Я – будущая мать-одиночка на восьмом месяце беременности. А вон тот обаятельный красавчик – мой проблемный сосед. Я едва свожу концы с концами, а он сорит деньгами. Моя личная жизнь – мыльные сериалы, а у него бесконечные интрижки. У нас ничего общего, за исключением одной лестничной площадки, парковки и... Моей мамы! Нагрыв в гости в самый неподходящий момент, она приняла его за моего парня, а он подыграл. И теперь все мои родственники считают его отцом моей будущей малышки и готовятся к нашей свадьбе...

Лея Кейн

Привет, сосед!

Пролог

Опять этот засранец из тридцать восьмой подпер меня! Сил моих уже нет. Жму кнопку звонка по побеления пальца. Стучусь. Снова звоню. Без толку. Ясное дело – дрыхнет. Всю ночь со своей фифой веселился.

Ну что ж, придется вызывать такси. Пересчитываю мелочь в кошельке и с тяжелым вздохом вбиваю свой адрес в приложение. Пока мигает маячок поиска

машины, замочная скважина соседской двери все-таки щелкает. Передо мной во всей своей помятой утренней красе предстает мой любимый сосед.

- Какого лешего тебе от меня в субботу утром надо? Глаза продрать не даешь.

Обалдеть! Он еще и фыркает на меня! К тому, что он мне «ты»-кает с первого дня своего заселения, я уже привыкла. Мужу лет тридцать, не меньше. Мама не воспитала, другим и подавно не под силу. Но ворчать из-за собственных косяков...

- Че молчишь? Язык проглотила?

Собственно, почти да! Я за два месяца его всяким видала: трезвым, пьяным, в строгом костюме, в спортивке, на своей крутой глянцевой тачке, на байке, который стоит, как моя квартира и машинешка в придачу. Но в одних боксерах впервые! Я, конечно, подозревала, что у него атлетическое тело. Эта сволочь не просто так каждые выходные новую курицу к себе приводит. Возможности позволяют жить с размахом...

- Тебе бабок занять? - Щурясь, он кивает на кошелек в моих руках.

- Н-нет, - мотаю головой, не зная, куда глаза девать. - Вы... это... меня подперли.

- А! - Коротко отвечает он и отходит куда-то в сторону.

Я вытягиваю шею, заглядывая в его квартиру. За два месяца ни разу не слышала шум перфоратора или стук. Похоже, ему комфортно в полупустой студии, на надувном матрасе. Из ванной доносится отвратительное женское пение. Надеюсь, сосед морщится из-за него, а не из-за меня.

Он снова вырастает в дверном проеме, отчего я вздрагиваю. Швыряет мне ключи, повелительным тоном говоря:

- Сама отгони.

Возмущенная до глубины души, я таращусь на ключи у своих ног и офигевающе произношу:

– Уважаемый сосед, а ничего, что я беременна?

– Не от меня же! – хмыкает он, закрывая дверь. – Я сегодня никуда не еду. Вечером ключи занесешь.

В шоке хлопая ресницами, смотрю в его наглую красивую рожу и уточняю:

– А с чего вы взяли, что я вечером буду дома?

– Колобок, я тебя умоляю!

Дверь захлопывается перед моим носом. Поглубже вздохнув, успокаиваю пробуждающегося внутри демоненка, обнимаю свой круглый живот одной рукой и, наклонившись на раскоряку, поднимаю ключи.

Какой же он все-таки козел!

Кое-как разгибаюсь, аж перед глазами темнеет. Мужикам не понять, что такое – пузожитель внутри тебя. Особенно таким мужикам, как этот напыщенный индюк.

– Демик, кто приходил? – слышу писклявое, пока дышу, рукой опершись о стену.

– Соседка, – отвечает лениво, уходя вглубь квартиры.

– Молодая?

– Не ревнуй, цыпленок. Я на брюхатых не западаю.

Боже мой, какие мы привередливые! А я на воображал не западаю!

Сейчас так твою машину отгоню, что весь день у тебя под окном сигналить будут и орать: «Какой кретин припарковался посередь дороги?!» Я же брюхатая. Мозг совсем без извилин.

Спускаюсь на лифте, выхожу на улицу и вдыхаю полной грудью. Прохладно. Март. Но моя лапуля обожает свежий воздух. Глажу живот, в котором растет моя доченька, и перевожу взгляд на автомобиль соседа.

Здоровый зверь. Блеск хрома. Тонировка. Дизельный двигатель. Полный привод... Живут же некоторые!

Смотрю на свою подержанную «ласточку»... Ну что ж, тоже зверь! Ревет порой так, что в соседнем районе слышно. На трассе до восьмидесяти разгоняется. Не ездит, а летает!

- Доча, - сипло взывает ко мне старушка в рванье. - Подай бабушке.

Стоять возле машины стоимостью в несколько миллионов и отказать бродяжке, сославшись на «Самой бы кто подал!», как-то смешно. Вытрясаю из кошелька все, что есть, и сыпаю в ее сухие ладони с кривыми пальцами. Все равно такси отменилось.

- Хорошая ты, доча. Благослови тебя боженька.

- Благословил уже, - улыбаюсь, снова погладив живот.

- Спокойных тебе родов, доча. Пусть дитяtko только радует маму и папу.

Папу... Зашибись!

Бабуля у меня на лице читает мою проблему. Но улыбается еще шире и ладошкой гладит меня по плечу:

- Все будет хорошо, доча. Будет у твоего ребеночка папа. Верь.

Покивав, убирает деньги в карман рваного пальто и ковыляет прочь. Ее бы слова да богу в уши.

- Эй, ну ты че там? Фоткаешься? - слышу сверху издевательский смешок. Вряд ли от бога.

Задираю голову. Сосед, прямо без майки стоя на балконе, выпускает в воздух струю сигаретного дыма и сверкает глазищами.

- Давай резче, Колобок! Она не кусается.

А чего ж ты тогда высунулся?!

Нажав кнопку разблокировки сигнализации, смело открываю водительскую дверь и... на этом моя смелость трагично кончает жизнь самоубийством, не оставив даже прощальной записки. Некому оставлять. Мы с ней никогда не ладили. Единственный раз, когда я расхрабрилась, подарил мне две полоски.

Как залезать в этот начищенный до блеска салон? Хоть сапоги не снимай, чтобы коврики не запачкать.

Затылком чувствую, что сосед усмехается. Жжет его. Прямо сквозь шапку.

Осторожно кладу сумку на сиденье и вскарабкиваюсь на него сама. Пипец, как изящно! Точно колобок!

Хлопаю дверь и прикусываю губу, зажмурившись. Жду, что этот позер выскочит из дома и встряхнет меня, обильно покрыв бранью. С опаской носом прилипаю к окну, ища соседа взглядом. Так и курит на балконе, с хищным прищуром наблюдая за мной.

Ладно. Выдыхаю. Осматриваюсь. Здесь все по-другому. И пахнет иначе. Вкусно. Прямо поедала бы здешний воздух. Ароматизатор, натуральная кожа, обалденный мужской парфюм, немного табака... Блин, хоть в сиденье не вгрызайся.

Но я тут по другому поводу. Нахожу, куда вставить ключ зажигания, ищу педали, изучаю панель... Вот это я попала! Мне ее вовек не отогнать. Свои последние деньги убогой подала. Зарплата только через два дня. О такси можно и не думать.

Глажу живот. Для меня это своего рода медитация. Когда нервничаю, отдаю себя малышке и успокаиваюсь.

Собравшись, все же завожу машину. Рывком. С испуганным воплем. Едва не въезжаю в рядом стоящий автомобиль, но вовремя притормаживаю, выворачиваю руль и отъезжаю.

Все нафиг! Дальше пусть сам возится. Главное – я выехать смогу.

Бросаю, как и планировала, посреди проезжей части. Выпрыгиваю из нее и бренчу ключами.

– Эй, сосед! – привлекаю его внимание, которое он успел переключить на повисшую на нем девицу. – Спасибо! – Оставляю связку на скамейке у подъезда и шагаю к своей машине.

– Колобок, ты же шутишь? – рывкает он мне. – Сейчас же перегони мою тачилу! Э, алле! Я с тобой говорю!.. Слышь?! Ты, если так ее бросишь и ключи мне в руки не вернешь, клянусь, я твою карету в асфальт закатаю!

Игнорируя его, сажусь за руль. Вот здесь мне комфортней. Чехлы старые, потертые, все скрипит, бензином воняет. Прелесть! Пока завожу ее и выкруливаю с парковки, сосед уже выскакивает на улицу. В одних джинсах. Придурок! Еще и под машину бросается. Торможу, в ужасе представив, что будет, если я наехала на его ноги.

Он ладонями упирается в капот. Злой. Карими глазищами искры метает. Зубы стиснул так, что желваки играют. Выпрямляется, развернув свои крепкие плечи. Я ежусь от мысли, не холодно ли ему?

– Я твой драндулет на запчасти разберу! – угрожает мне.

Живой значит, пальчики не пострадали.

Переключаю передачу, сдаю назад, не собираясь тратить на этого психа весь день, разворачиваюсь и выезжаю со двора. Сердце колотится бешено, ладони потеют. Не самое уместное развлечение для беременной, но этот сосед конкретно задолбал меня! Может, теперь будет парковаться не как блондинка из анекдота.

В последний раз смотрю на него в боковое зеркало, и мои губы изгибаются в довольной улыбке.

Демик, значит? Демьян... Что ж, Демьян, пора тебе понять, что ты не один на свете живешь. И что у твоей соседки скоро появится новорожденный ребенок, с которым будет проблематично каждый раз идти к тебе с поклоном и просить то отогнать машину, то убавить музыку, то заткнуть твою очередную зазнобу.

В общем, привет, сосед!

Глава 1. Стефа

- Ну и че, и че? - торопит меня Ланка, увлеченно спиливая мой ноготь.

- Да ниче, - пожимаю плечом. - Уехала.

Она скулит - то ли радостно, то ли с досадой. Вместо того чтобы поинтересоваться, как прием у гинеколога прошел, она у меня опять про соседа спрашивает.

- Лан, хорош, по локоть не спили, - ворчу, заметив, что она укоротила мой ноготь больше, чем я просила. - Успею я еще с коротышами намучиться, когда пеленки пойдут.

- Опять ты о пеленках! - Она переключается на мой следующий ноготь. - Матушка твоя вчера мне звонила.

- О боже, - вздыхаю, закатив глаза.

Я с мамой последний раз два месяца назад виделась. Живот был поменьше, свитер потолще, так что удавалось беременность прятать. Сейчас сложнее. Вот и отмазываюсь всячески. Вру, что работой загружена.

- Сказала ей, что на выходных у тебя ночевала. Все хорошо. Только работы много.

- Спасибо, Лан.

- Ты дальше-то что делать собираешься? Ребенок родится, скажешь, подкинули? - Ланка тяжело вздыхает. - Жаль, что ты поздно о беременности узнала. Аборт бы решил все проблемы.

Моя доченька заметно оживает, толкнувшись в животе. Я кладу на него свободную руку и произношу:

- Не говори так. Я даже рада, что поздно узнала. Не представляю, как можно убить своего ребеночка?

- Ты бухая была, когда заделала этого ребеночка. И чувак тот тоже под кайфом. Родится больной - и всю жизнь себя проклинать будешь.

- Лан, что ты мелешь?! - Я отдергиваю руку от ее пилки. - Она здоровая!

- Ну а со здоровой что ты делать собираешься?

- Предлагаешь оставить ее в роддоме?

- Это было бы разумно.

- Лан, я потяну ее! Я работаю.

- Удаленно? Это называется работа?

- Да. И я официально трудоустроена, в отличие от некоторых! - Я выразительным взглядом обвожу балкон, на котором Ланка соорудила себе миниатюрный маникюрный салон на дому.

- Ох, Стешка! - Она насильно хватает меня за руку, тянет к себе и продолжает пилить. - Говорила же я тебе с Виталиком помириться, когда он у тебя под

дверью прописался. Цветы букетами таскал. Конфетами обсыпал.

- После того, как изменил, - уточняю я.

- Да какая разница?! Осознал же, прощение просил. Сейчас на него бы своего спиногорыза повесила и лежала бы на диване персики хрумала.

- И мой ребенок рос бы во лжи, чужого дядю папой называя.

- Да она и так будет чужого дядю папой называть, когда ты замуж выскочишь лет в тридцать пять. За сантехника из соседнего дома!

- Лан, а тебе напомнить, кто меня потащил в тот вонючий бар? Кто советовал мне развеяться? Кто толкнул меня на... на... того самого?

Не могу подобрать слов, чтобы описать весь спектр эмоций, подаренных мне тем вечером. Переспать с незнакомцем, чтобы насолить бывшему? Это я легко. После пары коктейлей, текилы и сигарет.

До сих пор страшусь мысли, что эта ядовитая смесь, бурлившая той ночью в моей крови, может сказаться на здоровье моей девочки. Гинеколог уверяет, что анализы у меня изумительные. Ребеночек развивается, как положено. Я даже на сохранении ни разу не лежала, потому что строго соблюдаю все, что рекомендует врач. Все делаю вовремя и тщательно слежу за питанием. У меня долг по коммуналке висит, но на фруктах я не экономлю. Успокаивает заверение, что плоду ничего не угрожает, если оба родителя здоровы, не злоупотребляют спиртным и на момент зачатия были в опьянении качественного алкоголя. Конечно, это не есть хорошо, даже у абсолютно здоровых людей рождаются больные дети. Но хотя бы немного утешает.

- Вот именно! Развеяться, а не детей лепить! - ругается Ланка, закончив спиливание. - Так и будешь как старуха на соседей кидаться.

- Он заслужил, чтобы на него кидались.

- Чем? Обаянием? - подмигивает подруга и кисточкой смахивает пыль с моих рук. - Вот не была бы с пузом, сейчас могла бы охмурить его. На крутой тачке бы

ездила. В ресторанах бы ужинала. А не вот это все! – Она указывает на меня, и я инстинктивно поворачиваюсь к небольшому зеркалу.

Да, запустила себя. Вечно взлохмаченная, бледная, уставшая, нервная. Был бы любимый человек рядом, не приходилось бы так убиваться. А без поддержки тяжело.

– Ну что, какой дизайн делаем?

Выбираю веселенький весенний, терпеливо дожидаясь окончания всей процедуры и еду домой.

Уже смеркается. Почти вся парковка у подъезда забита. А Демик своего зверя вообще поперек поставил. Нарочно два места занял. Мстит, сволочь бесстыжая!

Оставляю машину на парковке у соседнего дома и шлепаю домой. С каждым новым днем к земле тянет все сильнее. Чувствую себя неповоротливой бегемотихой. Но я так счастлива, что моя малышка растет бойкой девочкой. Попинаться любит. А мне только в радость. От одиночества мамку свою непутевую спасает.

Еще в лифте слышу, как на всю лестничную клетку долбит музыка. Догадка только одна, и она подтверждается, когда я выхожу на свой этаж. У Демика снова веселый вечер. Поздравляю, дорогой сосед! Не вырубишь свой музон после одиннадцати – вызову участкового. По-хорошему договариваться больше не буду. Осточертело!

По пути ищу ключи в карманах куртки. Нет. Похоже, запомновала, в сумку бросила. Плечом опершись о стену, копаюсь во всех отделах. Конечно же, у такой неудачницы, как я, все должно быть через одно место. Поэтому, как по закону подлости, у давно состарившейся сумки отрывается ручка. Вся «начинка» высыпается прямо соседу на коврик.

– Да твою ж дивизию! – ругаюсь, со злости сумкой шлепнув по двери.

Прикусываю губу в надежде, что меня не услышали. Вроде тихо. Расстегиваю куртку, чтобы легче было наклониться, и встаю на раскоряку. Сначала подбираю

фото с УЗИ, отряхиваю от пыли и разглаживаю. Именно в этот момент дверь открывается.

Я шарахаюсь, выронив один листок прямо под ноги соседа. Сделав глоток пива из банки, он оценивающим взглядом пригвождает меня к полу и опускает его вниз. Подбирает снимок и с усмешкой хмыкает:

- Колобок, вряд ли это мое. – Он кивает на мой живот, отчего я съеживаюсь.

Тварь такая, моего ребенка называет «ЭТО»! Вырываю снимок из его руки со словами:

- Да я бы вздернулась, будь она твоей!

Разворачиваюсь и иду к своей двери.

- Э, а барахло свое подобрать не хочешь?! – летит мне в спину.

Оборачиваюсь через плечо, смотрю на губную помаду, пачку салфеток, ручку и карманное зеркальце в пластике. Ничего ценного.

- Подружке своей подари! – бросаю соседу. – Сэкономить на пикапе.

Снова суюсь в карманы, а ключей-то так и нет.

- Упс! – присвистывает он и делает еще глоток. – Что-то потеряла?

В его руках гремит связка моих ключей.

Медленно оборачиваюсь и сквозь зубы цежу:

- Отдай.

- Пффф... Так неинтересно, Колобок. Я брошенные у меня в тачиле вещишки только за вознаграждение возвращаю.

Елки! Походу, в его машине выронила, когда отгоняла. Иначе у меня, горемыки, просто не могло получиться! Слишком просто было бы.

- Я не напишу на твоей двери «урод». Как тебе такое вознаграждение?

Сосед отрывается от своего порога, выходит на площадку и походкой кота приближается ко мне. Принимаю боевую стойку. Ну как – боевую... По крайней мере, насколько это возможно в моем положении. Максимально грозно кошусь на него исподлобья, скорбя по своей былой пластичности. Пятиться не собираюсь. Пусть не надеется, что пугает меня его пафос.

Останавливается в шаге и вешает на меня ценник изучающим взглядом. Так и вижу математические вычисления в его глазах. Делит, дробит, нули вычеркивает, скидку прописывает.

Протягиваю вперед ладонь и маню пальцами. Он же, козлина такая, не спешит вложить в нее ключи. Делает еще глоток пива, от вида только одной банки которого у меня слюнки текут, как капельки конденсата по холодной жестянке. Как же жестока природа к женщинам, лишая их многих удовольствий во время беременности!

- Материнство – это тоска, да? – нагнетает он, пальцем постукивая по банке.

Нет, все-таки жизнь несправедлива. Одним – все, другим – ничего. Почему этот кретин и богат, и красив, и дерзок? Ощущение, что у него лишь один недостаток – ему приходится жить среди тех, над кем судьба постоянно истерически угорает. То есть среди таких, как я.

- Да, – отвечаю смело, – если сын – ты!

- Да ладно? Уверен, моей матери со мной нескучно.

Кто бы сомневался!

- Ключи! – требую, вытянув ладонь еще дальше.

Так и жду, что снова под ноги бросит. Важный же. Петух, думающий, что он павлин!

- Торопишься? – усмехается сосед, сузив свои карие глазища.

Черт, он хорош в любом виде. Когда причесан и в костюме. И даже сейчас – с упавшей на лоб растрепанной челкой, в майке и трико. Увидела бы его Ланка, залегла бы в долгосрочный обморок. Потому что практически все черты этого альфа самца – мой гребаный идеал, которым я ей все уши давно прожужжала. Это она парней перебирает, как овощи на рынке, а я того единственного жду. Ждала... Пока роман с Виталиком не закончился моей беременностью от первого встречного.

- Ты же одна живешь. Все равно дома никто не ждет.

Вот уж нежданчик, что он в курсе моего одиночества. Или...

- Ты че, в моей квартире шарился?! – возмущаюсь, захлебнувшись собственным воплем и икнув в конце вопроса.

Сосед вызывающе проводит кончиком языка по верхней губе и причмокивает.

- Мда... Колобок, ну-ка давай с начала. Ты получила ключи от моей тачилы, покатала на ней свой персик, взамен оставила мне ключи от своей хаты. Я понял это, как руководство к действию...

- Ты придурок?! – визжу, готовая на его смазливой роже свой веселый маникюр отпечатать. – Я их просто выронила! Я не одна из твоих безмозглых куриц, которые ради банки пива и поездки на крутой машине готовы... к...

- К чему? – Его глаза тут же полируются до лихорадочного блеска.

Нарочно провоцирует, говнюк!

Молча делаю шаг вперед и бросаюсь к его руке с ключами. Чуть бы быстрее, но новые габариты не позволяют. Сосед задирает руку вверх, а я и без того на голову ниже него. С пузом даже в прыжке не достать, только повод ему дам

поржать. Странно, что никто из его гостей до сих пор не высунулся снять сцену для своего тупого блог-канала.

Пока он обнажает свои белоснежные зубы в нездоровой улыбочке, мне звонит мама. Кое-как вытаскиваю телефон из кармана куртки и злюсь еще сильнее. Другого времени она не нашла!

Сосед, заметив высветившееся «Мамуля», зубоскалит еще шире:

- Ответь.

- Тебя не спросила! - рявкаю ему и подношу телефон к уху. - Да, мам. Давай в темпе. Я тут немножечко занята.

- Стешка, поганка! - с ходу кричит она мне в ухо. - Ты почему мне про Демьяна не рассказала?!

- Про к-кого? - офигеваю, вытаращившись на глотающего пиво соседа.

- Я сегодня в твоей стороне проездом была, ну и решила заскочить чай с тортиком попить. Ты-то совсем о матери забыла. Приезжаю, а дверь Демушка открывает... Ох, и хорош парняга!

- Че-го?! - бормочу хрипло, отнимая телефон от уха. - Ты че, общался с моей мамой? - Глаза совсем выкатываю. Даже доча в животе замирает, вместе со мной ответа ждет.

- Она забавная, - констатирует он. - Приняла меня за твоего парня.

- А ты?

Он сминает опустевшую банку, характерным жестяным скрипом ударяя по ушам.

- Подыграл.

Глава 2. Демьян

Несколькими часами ранее

Дрянная девчонка! Два месяца глазки в пол тупила, когда приползала что-то там промямлить про громкую музыку или парковку. А сейчас, зырьте, оперилась!

Кручу в руке связку ключей с дешевым пластиковым брелоком, размышляя, как Колобка проучить. Сильно борзая стала. Не думаю, что свои ключи она нарочно в моей тачиле оставила. Не из таких. На лице написано, что святоша. Удивительно, кто ей вдул? Но ничуть не удивлюсь, если она ему после этого башку откусила.

– Дем, ты меня отвезешь? – мурчит чика, которую я вчера привез.

Смотрю в ее отполированное лицо и с напрягом вспоминаю имя.

Нет, это выше моих сил! Даже если напомним – в памяти не отложу. Я такие файлы сразу в корзину сношу. Это как одноразовые носки: поносил – выкинул и забыл.

– Вызови такси, – отвечаю лениво.

– Какой же ты урод! – выпаливает истерически.

Снова сосредоточившись на ключах, машу этой кукле рукой. Что за мода у баб пошла – считать себя единственной и неповторимой?! Одно лицо, одни сиськи, одни проститутские платья. Но при этом они почему-то уверены, что уникальны. Да я их отличить друг от друга не могу. Будто с конвейера! Если припрет и жениться придется, то я лучше Колобку предложение сделаю. Ее фасад без перекройки куда сильнее заводит, чем эти обладательницы губ-вареников.

Пойду-ка гляну, чем эта тихоня живет. А то что-то жутковато по соседству с маньячкой.

Замки у нее старые, ключи еле поворачиваются. Смазать некому. Выходит, не ошибся я: мужика у нее нет.

Сразу на входе чистый коврик «Добро пожаловать!» Ну раз так – я буду чувствовать себя как дома.

Вдоль длинного коридора универсальный шкаф. Тут и гардероб с зеркальными дверцами, и книги, и аккуратно составленные на антресолях коробки. Слева небольшая, но уютная кухня. Мебель простая, недорогая, но блестит от чистоты. Черт, тут по верхнему шкафу пальцем проводить не надо. Пыли не найдешь, только замараешь.

В гостиной тоже чисто до безобразия. Ковер будто только что постелили. Ни одна ворсинка не примята. На мягком уголке вручную связанные накидки. Мне не по себе от мысли, сколько же она сидела над ними, вместо того чтобы прожигать свою молодость на вечеринках.

В ванной комнате и подавно все продезинфицировано, что не прикопаешься. И только в спальне я нахожу ее слабость. Кровать не заправлена. Наверное, Колобок опаздывала. Или это ее собственный уголок бардака.

Поверх скомканного одеяла лежит шелковая сорочка. Не припомню у себя мании лапать чужие шмотки, но почему-то эту вещичку захотелось даже понюхать. Интересно, все беременные так сладко пахнут? Карамель, клубника, мята... Чувствую себя психопатом, с закрытыми глазами вдыхая этот обалденный запах...

Получив дозу необъяснимого кайфа, переключаюсь на туалетный столик. В ящиках косметика, расчески, украшения, шкатулки. Похоже, когда-то Колобок позволяла себе роскошно выглядеть.

Заглядываю в шкаф, и челюсти сжимаются от вида маленького черного платья. Представляю себе ее без пуза, причесанную, покрашенную, в шелковых чулках, на каблуках и в этом платье. Кровь в венах бурлить начинает, закипать.

Мы с ней из разных миров. Но ей и невдомек, о чем мечтают парни вроде меня. С такой бы я помутил. Причем на полном серьезе. Имя бы точно не забыл.

Закрываю шкаф и замечаю на тумбочке потрепанную книжку «Ваш помощник в выборе имени для девочки». С кучей закладок и пометок. Походу, у Колобка будет дочка. Или она на это надеется. Листаю страницы и понимаю, что здесь

какая-то другая вселенная. Люди, вопреки трудностям, вдумчиво готовятся к будущему, что-то планируют, обращают пристальное внимание на каждую мелочь. У нас все проще: свобода без обязательств, но с риском, чтобы адреналин бушевал.

Наверное, я в ее глазах – зажавшийся ублюдок. У нее и правда спальня через стену с моей квартирой. Прикидываю, как тут кровать подпрыгивает, когда я динамики на полную мощь включаю. Да и паркуюсь я действительно по-королевски. Где мне удобно. И плевать на других.

Черт с тобой, Колобок! Если сама нарываться не будешь, получишь свой вымученный покой. Но если хоть чем-то раздражишь, не обижайся. Укрощать строптивых козочек я умею.

Положив книжку на место, выхожу в коридор. Компромата на Колобка тут не найти. Чертят своих слишком хорошо прячет.

Едва берусь за ручку двери, как раздается звонок.

Колобок, ты бы хоть предупредила, что ждешь гостей, я бы чай вскипятил.

Посмеиваясь, открываю дверь и взглядом полноправного хозяина окидываю невысокую симпатичную женщину с тортом в руках. На Колобка до смешного похожа, только лет на двадцать постарше и... более ухоженная, что ли. Выпучивает зеленые глазища и шлепает губами.

– Здравствуйте, – наконец кивает с усилием. – А Стеша дома?

Стеша... Стефания, значит. Твою ж бабушку, Стефа, ты нравишься мне все больше!

– По делам отъехала, – отвечаю, задрав руку и опершись о дверной косяк.

– Простите, молодой человек, а вы кто? – спрашивает она.

Ах, ты ж негодница! Не рассказала матери о своем потрясающем секс-соседе!

Не успеваю представиться, как лицо взрослой копии Стеши озаряется блаженной дурдомовской улыбкой.

- Вы ее парень, да?! Вот Стешка, поганка, ни слова мне не сказала! - Она всучивает мне торт, фактически напирая на меня, чем заставляет попятиться назад в квартиру. Закрывает дверь, бросает сумку у ног и начинает разматывать с шеи длиннющий полосатый шарф. - Ну, будем знакомы! Я мама Стеши - Ульяна Филипповна! Для тебя просто, - лыбится еще шире, - мама.

Приехали! Я слышу, как моя челюсть падает на коробку с тортом. Такого натиска мне отражать еще не доводилось.

- Ну а тебя как зовут, красавчик? - Подмигивает мне, снимая куртку.

- Демьян, - сдаюсь, понимая, что от мамы мне холостяком не убежать. - Для вас просто - сынок...

Женщина, назвавшаяся Ульяной Филипповной и только что усыновившая меня, рассеянно швыряет свою куртку на туалетный столик, прямо поверх женских штучек Колобка, быстро стягивает полусапожки и бросается вперед. Тискает меня за щеки, как малыша, и сюсюкается:

- Какой ты милый. Сынок. - Проскочив мимо меня, бежит в ванную. - Ставь чайник. Я ненадолго.

Абсолютно раскованный плейбой внутри меня одной фразой упаковывается в компактного псевдозятя. На обительницу серпентария теща вроде не похожа. Брызжет не ядом, а откровенным желанием пристроить свою дочь-зануду. И я даже немного паникую, не в капкан ли я угодил? Но охотничье возбуждение берет верх над разумом, толкающим меня к двери. Я же не трус, чтобы чесать по-тихой.

Пока Филипповна намывает руки, напевая на всю квартиру что-то из шансона допотопного периода, я вполне себе умело включаю чайник и даже нахожу упаковку пакетированного с бергамотом. На кухне Колобка удобно ориентироваться. Здесь во всем порядок. И гребаная чистота. Прислуга в особняке моего папаши так позолоченные балюстрады не натирает, как тут блестит столешница.

– А может, картошечки, а? – Влетает в кухню мама. – Жареной?

Жареная картошка для меня – нечто экзотическое. Ел ее пару раз в жизни. Не скажу, что шедевр кулинарии, но вкусно.

Телка, что утром свалила от меня, губной помадой написав на зеркале в ванной «Мудак», завтраком меня не побаловала. Так пусть Филипповна накормит.

– Давайте, – пожимаю плечом.

– Ну! Чего встал?! Чисть картошку! – И главное – садится за стол. Нога на ногу, пальцы скрещивает, взглядом сканирует.

Что ж, я пришел сюда за ахиллесовой пятой Колобка. Я ее получу. Выиграю в споре с ней, подружившись с мамой.

– И давно вы со Стешкой мутите? – начинает допрос таким тоном, будто у нее в сумке орудия пыток и граната. Далеко не учебная.

– Иногда мне кажется, я знаю ее целую вечность, – отвечаю, напрягаясь в поиске картошки.

– А мне кажется, я совсем не знаю. Не, деваха она яркая, согласись? Отвал башки! Но засранка, о матери совсем забыла! Не звонит, не пишет. С Нового года на глаза не появляется.

Филипповна и не догадывается, как детали паззла для меня в единую картину складывает. Прикидываю срок беременности Колобка и догоняю, что мать ее о будущей внучке ни сном, ни духом. Даже смешно.

– Ой, забей на картошку. – Отмахивается Филипповна. – Как будто вчерашний день ищешь. Наливай чай и отрежь мне кусочек с вишенкой.

Чувствую себя прислугой, хотя, переступая порог квартиры, собирался быть хозяином. Наливаю две кружки. Разрезаю торт ломтями, вызвавшими недоумение на лице мамы, и сажусь с мыслью, не цапнет ли меня за такую

вольность.

- Ты, наверное, планктон офисный, да? Только в компах шарить?

Походу, папаша не перегибал, когда говорил, что я не похож на владельца сети магазинов. Уже в айтишника записали...

- Ну ничего, - кивает она, набивая рот тортом, - Стешка всему научит. Виталька тоже ни к чему приспособлен не был. Со Стешкой пожил - и посуду мыть начал, и пылесосить, и гладить. Правда, лучше всего у него получалось выносить мусор. Почти всегда попадал в мусоропровод. - Прожевав, запивает чаем и тяжело вздыхает. - Слушай, Демушка, а Стешка с ним разбежалась не из-за тебя случаем? Гульнула поди? Я, конечно, в ее скромности не сомневаюсь. Но времена, нравы...

Виталька, значит. Вот кто Колобка обрюхатил и от ответственности свалил. Потому она мамане про беременность и не рассказывает.

Звонок мобильного из коридора прерывает нашу задушевную одностороннюю беседу. Закинув в рот еще кусочек торта, Филипповна бежит к своей сумке и с кем-то громко разговаривает. Про таких говорят: «Зачем ему мобильник? Его и так отлично слышно!»

- Блин, Демушка, побежала я! - кричит она мне из прихожей. - Ничего без меня сделать не могут. - Пыхтит, обуваясь, пока я выхожу из кухни. Помогаю ей надеть куртку и подаю шарф. - Вы бы приехали со Стешкой хоть на выходные, что ли, а? Я баньку бы истопила! Попарила бы вас веничком. Березовым. Шашлычку бы пожарили. Из баранинки. А?

- Баньку? - Изгибаю бровь.

- Тебе Стешка не говорила, что я в пригороде живу? Эх, знаю, понимаю. Сглазить боится. Ты парняга видный. Слюнки так и текут. - Опять щиплет меня за щеку. - Только щуплый какой-то. Все за кубиками своими следите. А ведь именно живот - признак счастливого мужчины, - хитро подмигивает мне, открывая дверь. - Все, побегла. Поцелуй за меня Стешку! - Торопясь к лифту, посылает мне то ли воздушный поцелуй, то ли просто рукой машет.

А я так и стою на пороге, признаваясь самому себе, что это трындец. Но... Черт возьми, мне это нравится!

Глава 3. Стефа

– Ты совсем кукареку, что ли? – Сгибаю пальцы в желании расцарапать его подкупающую рожу. – Что еще ты ей сказал?!

– Колобок, остынь. Разве твоей маме можно что-то сказать? Для этого надо, как минимум, поймать паузу, которые она не любит.

Что есть, то есть. Моя мама обожает почесать языком. Ее не переслушаешь и не перебеешь. Но это не отменяет того, что мой сосед наглухой баран!

– Отдай ключи! – Я все-таки совершаю попытку подпрыгнуть.

Доча пинается. Не нравится малютке, что я творю. Выдыхаю, успокаивая себя. Надо и правда быть уравновешенной, а не уравнобешенной, пока не разродилась прямо тут – на лестничной площадке.

– Дем, ты идешь? – нараспев мурлычет высунувшаяся из соседней квартиры девица. Отшлифованная блонди в блестящем мини. Взмахивает наращенными ресницами-веерами, уронив на меня свой недружелюбный и даже насмешливый взгляд. Виснет на руке Демьяна и кладет голову на его плечо. – Ты все пропустишь...

Не отталкивая ее, но и не отвечая, он продолжает сверлить меня взглядом. Тип парней, которые сделав гадость, считают себя красавчиками. Таких не переспоришь и не проучишь. От них просто надо держаться подальше.

– Извини, – выдавливаю я.

– Что? Не слышу?

Хам!

– Извини, что бросила твою машину посреди проезжей части, а ключи на скамейке.

– Офигеть, – прыскает тупым смешком блонди. – Кто это, Дем?

– Моя будущая жена, – усмехается он, отчего его подружка закатывается со смеху.

Меня начинает мутить. Где только воспитывают этих куриц? Чем они нравятся парням? Ох, простите, туплю! У них есть то, чего, например, я им не дам: не раздвину ноги, лишь потому что первый парень на вечеринке подмигнул мне.

Проглотив его дебильную шутку, опять выставляю перед собой ладонь. Он медленно опускает в нее ключи, даже не подумав извиниться за спектакль перед мамой. А ведь мне теперь это расхлебывать. Постараюсь убедить ее, что попросила соседа починить кран, повесить люстру, забить гвоздь, в конце концов, а она не так все поняла и застала его врасплох. Надеюсь, в это она поверит больше, чем в то, что я с этим болваном – пара.

– Дем, а это что? – небрежно тянет кукла за моей спиной, когда я уже поворачиваю ключ в замочной скважине.

– Это тебе на восьмое марта! – мстительно отвечаю за него, открывая дверь. – Он хотел сделать сюрприз.

Она переводит оскорбленный взгляд с моих рассыпанных на коврике безделушек на Демьяна и взвизгивает, как свинья резаная:

– Дем, ты вообще охренел?!

Захлопываю дверь под его злобный взгляд. Готов заживо сжечь меня. Запираюсь на все замки и наконец-то раздеваюсь. Это был чертовски тяжелый день. И чувствую, у меня будет опупительно веселая ночь!

Шлепаю на кухню, где на столе брошены две кружки с чаем и нарубленный ломтями торт. Мой любимый. Бисквитный, с маком, грецким орехом, изюмом и вареной сгущенкой. Чувствую, как доча облизывается, взывая меня сейчас же приступить к его поеданию.

– Да-да, детка, все для тебя, – бормочу, поглаживая живот.

Прибираюсь на столе, ставлю чайник и иду в ванную. Мою руки, умываюсь, смотрю на себя в зеркало. Да уж... Может, зря я ворчу на этих силиконовых барби? Они хотя бы яркие. А меня в толпе бегемотов никто не отличит от основной массы.

Тяжело вздохнув, отправляюсь в комнату переодеться. Этот говнюк и тут побывал! Книжка с именами лежит не под тем углом, а сорочку я никогда не бросаю комком! Чертов извращенец! Надеюсь, надročился тут вдоволь, скотина!

И сорочка, и постельное белье тут же летят в стиральную машинку. Засыпаю побольше порошка и ставлю на максимально долгую стирку. Противно представить, чем он тут занимался!

Переодевшись в халат, возвращаюсь в кухню и, налив себе чаю, усаживаюсь за стол. Я дома. Какая же красота!

Отломив десертной ложечкой кусочек торта, отправляю его в рот и залезаю в соцсети на телефоне. Едва не роняю его из рук. У меня больше сотни новых непрочитанных сообщений. Все они пришли в течение последних двух часов. И даже пока я пялюсь в экран, потирая глаза, приходит еще два. Обо мне вспомнили все: тетки, дядьки, двоюродные сестры и братья, их мужья, жены, дети, мои одноклассники, моя классная руководительница, мои сокурсники, какие-то далекие родственники по отцовской линии, и брат моего давно помершего деда, живущий на дальнем севере. И всех интересует один вопрос...

Это правда, что я выхожу замуж за Демьяна?

Мама не сразу отвечает на звонок. Наверное, с кем-то трындит и не может отвлечься. Но как только слышу ее «Ну алло, блудная дочь!», визжу не хуже той цыпы в подъезде:

– Ты в своем уме?! Какая свадьба?!

– Так, милая моя, я тоже очень рада тебя слышать. В кои-то веки о матери вспомнила. Или кто из родственников напомнил?

– Все! – рывкаю и кладу руку на живот. Тише, зайка, тише. Мама немного на взводе, сейчас бабушке все выскажет, и пойдём спать. Если получится... под тот тунц-тунц, что за стеной.

– Ой, Стешка, я тебя прекрасно знаю. Раз скрывала ото всех такого красавчика, значит, все серьезно, сглазить не хотела, – мелет чушь чрезвычайно озабоченная моей личной жизнью мама. – Я, между прочим, в ванной случайно заметила витамины для беременных. Аж запела, представляешь! – счастливо признается она. – Столько лет не пела...

Заметила она. Случайно. Витамины для беременных. Которые в закрытой аптечке на верхней полочке в шкафу, потому что я их уже давно пропила! Какая глазастая!

– Не стала у Демушки допытываться, – гордо оповещает она меня. – Вдруг он еще не знает, и ты сюрприз собираешься сделать. Ну так что? Какой месяц? Витамины для второго триместра. Недель пятнадцать?

– Тридцать! – выдаю четко и зло. Чистую правду. Чтобы ею припечатать любимую мамулю к стулу, или на чем она там сейчас сидит. Может, теперь поймет, почему я не афиширую ей свою личную жизнь!

Она смеется. Так заливисто, будто за свадебным столом кавказский тост услышала и хряпнула под него пятьдесят граммов беленькой.

– В общем, меня не волнует – как, но ты должна пояснить всем своим друзьям в соцсетях, что ошиблась. Ни за кого замуж я не собираюсь. Этот придурок, с которым ты сегодня чай пила в моем доме, мой сосед-долбач! А беременна я от первого встречного. Перепихнулась с ним, с огоньком отметив измену Виталика!

Ну вот и все. Как на духу. Тайн больше нет.

Мама продолжает хохотать. Не верит. Да я и сама до сих пор с трудом верю, что все так сложилось. В голове не укладывается, насколько я развратна.

– Ох, ладно-ладно, Стеш, пошутили и хватит, – кое-как успокаивается мама. – На самом деле, я очень рада за тебя. Ты думаешь, я не знаю, почему ты с Виталькой рассталась? Видела я его с какой-то мымрой крашеной. Догадалась, что гульнул стрекозел. Люлей я ему, конечно, всыпала. Ни одна падла не смеет обижать моих дочек. Но осадок остался. Тебе не говорила. Расстраивать не хотела. Оттого и обрадовалась, когда Демушку увидела. Ну и парняга! Стешка-а-а... Все твои подружки от зависти лопнут. Я ж с дуру его за компьютерного червя приняла. Еще и высказала. Стыдно-то как... Потом дома интернет перерыла, всех Демьянов нашего города перебрала, нашла твоего. Понимаю, почему молчала. Счастье любит тишину. Не обязательно всем рассказывать, что ты ждешь ребеночка от сына промышленного магната... А у него профили закрыты, чтобы меньше сплетен о вас было?

– Ага, – на автомате отвечаю я, притормозив переваривание маминых признаний и восторгов где-то на уровне «сына промышленного магната».

С улицы доносится пьяный визг. Подхожу к окну в тот момент, как перед домом взрывается салют. Все ближайшие машины орут сигнализацией, а соседская курица кудахчет на весь двор:

– С восьмым мартом!

Мартом, мля! Мотаю головой, с сочувствием глядя на соседа, на шее которого виснет эта тупица. Чмокает его в щеку, оставляя на ней разводы яркой помады, и прыгает от счастья на своих двадцатисантиметровых каблучищах.

– У вас там праздник какой? Что отмечаете? – подключается мама.

– Восьмое марта, – вздыхаю я, поймав на себе взгляд задравшего лицо соседа.

Черт, прекрасно видит, что пялюсь на него. Задерживаю шторку и отхожу от окна, чтобы даже тень моя не падала. Много чести будет!

– Так сегодня только третье, – удивляется мама. – Ах, Демушка романтик у тебя. Заранее поздравлять начал!

Ну да, два месяца поздравляет. А потом мой черед придет. Когда доча родится и будет по ночам концерты закатывать.

– Вы уже себе новую квартиру-то присматриваете? – не унимается мама. – Не жить же в этой вечно! Тебе вроде ее уже можно продать. Пять лет со дня вступления в права наследства прошло...

– Мама! – одергиваю я ее.

– Что – мама? Я как лучше советую! Короче, – подытоживает она, – я Демушку в баньку на выходных позвала. Он не против. Так что собирайте полотенчики, трусики и ко мне. Я свежего мясца намариную, наливочку достану. Посидим, познакомимся. Пусть олигархи посмотрят, что и мы не нищенствуем.

Господи Иисусе! На лестничной площадке глупый звонкий смех, низкие голоса парней, грохот, шорох, стук. Дверь соседской квартиры хлопает, и музыка становится громче.

Началось...

Окей, Демьян, не хочешь по-хорошему, тогда иначе тебя перевоспитаю. Ты не просто так тут тусуешься. В тесной квартирке без элементарной мебели в виде кровати и стола. Либо папочка олигарх кнут в руки взял, либо ты сам бунтуешь. В любом случае, я это выясню, и разговор вести буду уже не с тобой, а с... будущим свекром!

Глава 4. Демьян

Кажется, она назвалась Юлей. По существу, мне лилово. После того, как она задницей отполировала колени Костяна, а потом на четверть часа заперлась в толчке с Рыжим и выперлась оттуда взлохмаченная и с пятнами на платье, оставлять ее на ночь желание отпало. Это то же самое, что чпокнуть мусорный

бак возле пивнухи.

Выпроваживая ее вместе с пацанами, получаю с какого-то черта пощечину. Сама себя тут по кругу пустила, а смертный грех на мне. И почему ко мне липнут только шлюхи?

– Пусти меня, – верещит эта Юля, когда Костян тащит ее к лифту. – Ты гондон, Борзый, понял?! – орет мне. – Штопанный!

Захлопываю дверь. Пошла она. Пусть сосет писюн у пьяной обезьяны. Переключаюсь на банку пива и врубаю динамики на всю мощь. Круто, что с соседями подфартило. Сверху – глухая бабка, снизу – пустая хата, справа – молодая семейная пара, всю ночь скрипящая кроватью под мою музыку, а слева – Колобок. Напрасно батя думает, что один я сдохну. Жив и здоров. Цвету и пахну. За семь месяцев ни копейки у него не попросил. И назад с поджатым хвостом не поползу.

Колобок со всей своей беременной дури долбит чем-то в стену. Походу, не прикалывает ее попса. Или бесится, что я тащусь от жизни, а ей приходится с банкой соленых огурцов в обнимку ночи проводить. Ясен пень, завидует.

Вырубаю музыку и опустевшей банкой стучу по стене.

– Колобок, спишь?! – спрашиваю, не особо надрывая голосовые связки.

Спасибо строителям «панелек». В общагах такой публичности личной жизни нет, как с этой слышимостью. На сон я никогда не жаловался. Особенно крепко дрыхну после жарких ночей. Но все равно слышу вибрацию будильника Колобка по утрам. Встает она ровно в шесть. Шлепает тапками по дешевому ламинату, принимает душ, включает тихую музыку для медитации, от которой мне снится всякая чушь в виде дебильных летних деньков, бабочек, качелей, цветочков. И так сорок гребаных минут. Потом становится тихо. Колобок испаряется куда-то на кухню или в гостиную и до шести вечера ее не слышно.

– Иди в жопу, осел! – огрызается в ответ, рассмешив меня.

– По губам тебя отшлепать надо, Колобок. За выражения при ребенке.

- Телок своих по губам шлепай!

Спихиваю с надувного матраса пустые жестянки из-под выглотанного пива, беру гитару и усаживаюсь. Спиной откидываюсь на стену и бездумно бренчу струнами.

- Ты всегда была такой... святошей?

- А ты всегда был уродом?!

- Ты меня совсем не знаешь, Колобок. Могли бы познакомиться поближе. Помутим, когда разродишься?

- Больше всего я хочу забыть то, что уже знаю о тебе! Так что отваливай со своим дешевым подкатом!

- Я подарю тебе букет.

- К венерологу с ним сходи!

Снова перебираю струны.

- Колобок, с тобой невозможно разговаривать. Я, может, любовь ищу.

- Работу поищи! Сразу глупости из головы выветрятся.

- Говоришь, как мой батя.

- Это же прекрасно! Значит, общий язык со свекром найду.

- Да ладно тебе бзиковать, Колобок! Ты сама завела меня. Скажи своей мамке, что я умственно отсталый сосед.

- Спасибо! Уже сказала.

Вот же дрянная девчонка! Столько кобыл мечтает оказаться в моей постели, еще больше – взять мою фамилию, а эта пузатая нищевродка еще и нос от меня воротит. И почему меня это так задевает?! Прямо бесит, аж кровь в жилах сворачивается. Вместо того чтобы пользоваться случаем, она отрещивается. Еще и дерзит, чертовка!

– Не хочешь по-хорошему, да?

– А ты не понимаешь по-хорошему! – отвечает так, словно уже запаслась супермощным оружием.

Пусть будет так. Сама выбор сделала.

Откладываю гитару, опять включаю динамики на всю громкость и открываю банку пива. Когда басы бьют в пьяную голову, меньше тошнит от жадности своих предков. Круче подарка на днюху, чем ссора из-за бабок, преподнести они не могли. Будь трижды проклято это второе августа! Все вверх дном перевернуло. Конкретно огрело меня. Скитаюсь теперь, как пес бродячий. Осталось только тачилу загнать.

Опростав очередную банку, сминаю, отшвыриваю ее и падаю на матрас. Не засыпаю, а отключаюсь. Но подсознание даже загашенного меня начинает будить, как по часам. Ровно в шесть. Только сегодня вместо будильника звонок в дверь. Долгий, настойчивый, режущий слух в моей больной башке.

Выдергиваю шнур динамиков из розетки и, морщась от утреннего света, плетусь к двери. Шея, падла, затекла. Обжигающая боль ползет вниз по позвоночнику, напоминая мне, что пора бы завязывать с бухлом. Сам себя в могилу загоняю.

Щелкаю замком и открываю дверь, готовясь выслушать угрозы и обвинения Колобка. Я уже начинаю понимать ее Виталика. Ни один нормальный парень не выдержит эту дьяволицу.

Бичующий родительским кнутом взгляд жжет меня по лицу. Губы отца плотно сжимаются. На лбу пролегает глубокая морщина. Неспешно, но коротко он смотрит за мое плечо, делает быстрые выводы и цедит своим привычно недовольным басом:

– Чего и следовало ожидать.

– Какого хрена тебе надо?! – выжимаю из себя, отчего в висках начинает стучать. Вот кого я не ожидал увидеть у себя на пороге, так это папашу, вроде как отрекшегося от меня. – Как ты узнал, где я?!

Из-за его плеча выплывает довольная своим непредсказуемым ходом соседка. На лице торжествующая улыбка. В глазищах – шабаш ведьм.

Молодец, Колобок! Уделала меня. Теперь не жалуйся. Ты еще пожалеешь. Поверь, Борзый мстит красиво.

– Ну... Не буду вам мешать, – сияющая от триумфа Стефания разворачивается носом к своей квартирке, но мой папаша берет ее за шиворот будто котенка за шкурку. Одним точным размашистым движением возвращает на место и толкает ко мне. Почти в объятия.

– Ты не с теми людьми связалась, голодранка, – фыркает он в своем репертуаре.

Колобок, опешив от бесцеремонных манер моего отца, округляет глаза и тарашится на меня с немим вопросом. Моя очередь скалиться во все тридцать два. Что, Колобок, не ожидала, что и тебе прилетит? Это только начало.

– Вы что себе позволяете?! – вопит она, с укором взглянув на переступающего порог отца в итальянских лоферах.

– А ты на что рассчитывала, дура? – Закрыв дверь и тут же вытерев свою ладонь платком, он поднимает на нас свойственный ему взгляд царя. Уже решает, кого помиловать, кого казнить. – Разбудила меня посреди ночи рассказать, как этот отмороженный последыш куролесит в районе маргиналов и дешевых шлюшек, и думаешь, скажу спасибо?

Уголок его губ искривляется в немой усмешке, а на лице Колобка застывает шок.

– Этот орел вдул тебе? – Папаша кивает на ее живот, и она кладет на него ладонь.

Черт, у нее красивые пальцы. Тонкие, длинные, ровные. Аккуратные, ухоженные. Кольца бы на них...

Отец обходит нас и заглядывает в комнату.

- Как в воду глядел.

- Ты можешь быть менее предсказуемым? - Я морщусь от головной боли. С похмелья только сроча с папашей не хватает.

Он платком смахивает пыль с большой колонки-динамика и садится на нее. Взглядом ставит на нас штампы. Прикидывает, с какой стороны зубы вонзить.

- Я так и не понял, что пыталась мне объяснить эта женщина, - он указывает на Колобка, а та уже на грани срыва. Подбородок трясется от обиды. Вот-вот глаза заслезятся. А вот нехрен было лезть, куда не просят! - Про какую-то парковку, про ключи, про нарушение тобой тишины, про свою мать. Это так ты исчез из моего поля зрения? Это так я услышал о тебе в серьезных кругах? - хохотнув, опять обводит мой сарай взглядом. - Многого добился. Я восхищен, мать вашу. Еще и в какую-то замарашку своих пузырей напускал! - рывкает так, что Колобок вздрагивает.

- Это вы... обо мне? - офигевает, пошатнувшись.

- Если за той дверью есть еще, - он кивает на ванную, - то и про нее.

- Следи за базаром, - делаю отцу замечание.

Нет, мне не жаль Колобка. Какого дьявола ее жалеть, если сама эту кашу заварила?! Просто не хочу нести ответственность, если она сейчас разродится посреди моей квартиры.

- До чего же ты опустился, Демьян... - Качает он головой. - Короче, деликатничать с тобой я не собираюсь. Сопли с местной швалью жуй. Мать поблагодари. Убедила меня дать тебе шанс. Срать, как ты это выскребать будешь, - небрежным жестом он указывает на живот Колобка, - фамилию Борзых оно носить не будет. Кончай бесноваться и возвращайся домой.

– По какому праву вы меня оскорбляете?! – все-таки не выдерживает Колобок. – Я связалась с вами, потому что ваш ребеночек прогуливает детский сад! Я могла бы написать на него заявление в полицию, но отнеслась с уважением к вашему высокому положению! Теперь вижу – зря!..

– Захлопни ракушку! – рычит отец, хмуро поднимаясь на ноги. – Она тебе для другого дана. Просто назови сумму и исчезни вместе со своим кенгуренком.

– О, ваша фамилия вам прям к лицу! – верещит Колобок, бросившись вперед. Успеваю протиснуться между ней и отцом и схватить ее за плечи. – А я-то все думала, в кого ваш выродок такой несносный? Все оказалось очевидным: яблоко от яблони...

– Замолчи! – Оттаскиваю ее от отца, кое-как выволакиваю за дверь.

Не ожидал, что она такая брыкастая. Дергается, вырывается, выражается грязными словечками. И смешно, и прискорбно. Вячеслав Демьянович Борзых, он же – мой папаша, оскорбления в свою честь без внимания не оставляет.

– Пусти, козлина! – визжит Колобок, когда я затаскиваю ее в ее квартиру. Отталкивает меня, отходит назад и сдувает упавшие на лицо волосы.

Забавная такая: щеки покраснелись, глаза полыхают огнем, грудь высоко поднимается от глубоких вдохов.

– Я надеюсь, тебе полегчало от знакомства с моим отцом? – ухмыляюсь, переводя дух. То ли Колобок тяжелая, то ли я спросонок еще не окреп. – Как видишь, он – не твоя мама. С ним немного сложнее.

– Сложнее?! – Она хватается за свою взлохмаченную голову. – Он же моральный урод! Как таких земля носит?! Он назвал меня голодранкой, шлюхой, замарашкой и швалью! Он назвал моего ребенка – ЭТО!!!

– Да он тупо меня задеть хотел! – тоже повышаю голос. Задрала орать. И так башка трещит. – Решил, что ты от меня с пузом! Учитывая, как коряво ты формулируешь мысли, это не удивительно!

– Да куда мне до вас, бар! – Сердито скрещивает руки на груди. – Вы у нас люди образованные, холеные, а мы так – голодранцы! Пойду умоюсь после ваших чертогов стерильных. Вас там маменька ждет, барин. Наконец-то съедете от нас – замарашек! – Разворачивается и шагает в ванную.

Впервые при ссоре с девкой чувствую себя скотом. Ей памятник при жизни возводить надо, а папаша осадил ни за что.

Стиснув зубы, выскакиваю из квартиры и хлопаю дверь со злости. Влетаю в свою, где мой утренний гость пялится на женские трусы, оставленные на полотенцесушителе в ванной. Без понятия, кто именно тут постирушками занимался. Костян с Рыжим сюда тоже телок водят. Хата-то съемная, не жалко.

– У матери сердце прихватило бы, войди она сюда, – констатирует он. – Помойка. – Отпинывает пустую пивную банку и идет к выходу. – Решишь вернуться – обсудим наши дальнейшие отношения. Учти, с рук больше ничего не спущу. И... – он косится на дверь Колобка, – будь избирательней в женщинах, что ли. Променять Серебрянскую на неотесанную моль-оборванку... Постараюсь это забыть...

Глава 5. Стефа

– Да чтоб у него с конца закапало! – от всей души желает Ланка, выслушав мой скандальный рассказ о знакомстве с отцом соседа.

Я с чашкой какао сижу за компом, а подруга по ту сторону экрана потягивает сигарету. Меня до сих пор колотит. Догнать бы этого гада и расцарапать его самодовольную рожу.

– Он там в кашу вкрученный был, что ли?! – продолжает Ланка.

– Ты бы его взгляд видела! Глазами испарывал меня!

– Борзых... Борзых... Звучная фамилия.

– А подходящая-то какая! – Делаю глоток и прикрываю глаза, пытаюсь отвлечься на шоколадный вкус.

– Да забей. Тем более красавчик съезжает. К маме под бочок, – хохочет Ланка. – А вообще, ты из-за беременности так остро реагируешь. Не отбрыкивайся, красавчик тебе нравится.

– Ты прикалываешься? – Едва не захлебываюсь от возмущения.

– Ты постоянно о нем говоришь.

– Да потому что бесит!

Боковым зрением замечаю тень. Едва уловимое движение, от которого подскакиваю с кресла, расплескав какао.

Я забыла запереться. А этот царь бетонных джунглей снова бесцеремонно вломился в мою квартиру. Еще и подкрался незаметно. Наверное, и разговор с Ланкой давно подслушивает.

– Ты совсем офонарел?! – Скорее отодвигаю клавиатуру от растекающейся густой лужицы.

– Ты чего орешь? – напрягается Ланка, разглядывая углы экрана своего смартфона. Даже сигарету недокуренную выбрасывает, сгорая от любопытства. – Красавчик пришел? Ну-ка, покажи мне его, – подмигивает, вовсе не из желания вступить за меня. Она давно мечтает увидеть, что же тут за сосед шинкует мои мозги два месяца.

– Блин, Лан, ты на громкой связи! – ворчу, отключая видео.

Демьян, скрестив руки на груди, плечом опирается о дверной косяк. Уголок его губ издевательски отодвигается к уху. Ему в кайф, когда другим плохо. Прямо в экстаз впадает. Наслаждается чужими страданиями. А я не представляю, как теперь вывести пятно с ковра!

– Смотрю, переоделся. И морда лица разглажена.

- Ха-ха! - далеко не весело отвечает он. - Колобок, будь другом, сгоняй в магаз. За минералкой. Сто баксов дам.

У меня челюсть отстегивается от его наглости! После всего, что мне пришлось вытерпеть от него, его друзей, его телок и его циничного папаши, он настолько панибратски просит меня, беременную девушку, сбегать ему за опохмелом! Тут у адекватного человека глаза на лоб вылезут, а обо мне с потрепанными нервами и подавно речи быть не может.

- Двести! - выдаю твердо, уверенная, что свалит.

- Не борзей.

Тоже скрещиваю руки и задираю подбородок.

- Двести пятьдесят. И ты расхлебаешь ту кашу, что тут с моей мамой заварил. Я уже задолбалась получать поздравления со свадьбой.

Он усмехается. Спиной прижимается к косяку и поднимает лицо к потолку.

- Ну у тебя и родственнички.

- На своих посмотри! - рявкаю не беспричинно.

- Да не гони, Колобок. Утрясем. - Вытаскивает из кармана джинсов помятую стодолларовую купюру. - Башка гудит. Очухаться не могу. Ты же все равно пойдешь за хлебом, или йогуртом...

- С какого ты это взял? Я никуда сегодня не собиралась.

- Тебе трудно, что ли? - С мольбой заглядывает мне в глаза. - Сдохну же. Глянь, руки дрожат.

- Бухать меньше надо! Триста. Или попроси соседку из тридцать девятой. Ей все равно заняться нечем.

– Она там орет.

– Рожает, что ли?

– Скорее, беременеет, – скалится Демьян. – Ну рили, Колобок, нет больше. На мели я. С предками все решу, додам.

– Не нужны мне подачки твоих предков! Хочешь минералочки – топай за ней сам! Или что, удивлен, что в районе маргиналов и дешевых шлюх нет очереди из желающих легко заработать?

– Капздец, ты ершистая, – выговаривает он уже не прежним умирающим тоном. – Хочешь бесплатный совет на будущее? – Отклеивается от косяка, сверля меня агрессивным настроенным взглядом. – Лучше средства, чем минет, от беременности нет.

Вот же бесчувственная скотина! Хам! Урод!

Кладу ладонь на живот, мысленно прося доченьку помочь мне успокоиться. Нельзя реагировать на этого дебила. Его это распаляет.

– Я напомню тебе его, когда какая-нибудь кобыла сообщит тебе, что ты скоро станешь папашкой, – отвечаю в тон. – Уверена, это будет феерично.

Трезвеет прямо на глазах. И минералка не нужна больше. Сжимает купюру в кулаке и швыряет к моим ногам.

– За моральный ущерб!

– Пошел вон!

Не задерживаясь у меня больше ни секунды, он разворачивается и уходит. Еще и дверью хлопает на прощание. Детсад какой-то!

Я опускаюсь в кресло. Обхватываю живот обеими руками и слушаю трель входящих сообщений. Меня достают даже те мамыны друзья из соцсетей, о которых я никогда в своей жизни не слышала. Зато они откуда-то меня знают и

переживают, приглашу ли я их на свадьбу. Тетка по отцовской линии из соседнего дома даже не спрашивает, как дела, разобидевшись, что ей доля от его квартиры не досталась, а какие-то троюродные племянники четвероюродных братьев прадеда готовят сервиз в подарок. Не жизнь, а сказка!

Схватив телефон, сжимаю в кулаке, желая швырнуть в стену. Но вовремя вспоминаю его цену. Нет, увы, я не могу позволить себе такой роскоши. Я же... голодранка.

Сделав несколько глубоких вдохов, привожу мысли в порядок. Все наладится. Этот придурок съедет, и я снова заживу спокойно. А скоро родится доченька, и я о нем элементарно забуду.

Убрав какао и втерев в пятно на ковре чистящую пенку, решаю все-таки поговорить с мамой. Надо рассказать ей о беременности, о Виталике, об этом неуравновешенном Демьяне. По головке не погладит. Будет ворчать. Скажет, что я ее позорю. Но не отвернется. Мать же.

Выключаю комп, надеваю полусапожки, куртку, беру сумку и ключи от машины. Выйдя из дома, вдыхаю полной грудью мартовский воздух. Сегодня свежее. Морознее.

Сосед стоит возле своей крутой машины и, бездумно пиная ее по колесу, с кем-то говорит по телефону. Увидев меня, делает вид, что не знакомы.

Господи! Да я тоже!

Прохожу мимо и иду в соседний двор, где припаркована моя ласточка.

– Привет, моя хорошая! Больше не буду тебя здесь бросать. Всякая борзятина наконец-то съезжает. Вернешься на свое законное место...

Вставляю ключ в замок, а он не вставляется. Кручу, ковыряюсь: бесполезно. Не влезает. Ни на миллиметр. Наклоняюсь разглядеть, в чем дело, и вижу под ногами пустой тюбик из-под моментального клея.

Визг подъехавшей машины заставляет меня выпрямиться и развернуться. Тонированное стекло опускается и, сосед, приспустив на нос солнцезащитные очки, языком перекачивает во рту спичку.

- Проблемы?

- Какой же ты козел, Борзый, - сиплю отчаянно.

Слезы душат. В горле горький ком застревает. Так обидно становится, что у меня нет мужского плеча рядом. Так жаль себя, что некому вступить за меня и доченьку.

- Ну ты и дура! - Он пальцем возвращает очки на глаза, поднимает стекло и срывается с места.

С ревом истинного зверя уезжает со двора, оставив меня наедине со своими проблемами.

Неужели у людей с деньгами нет ни капли совести? Почему он так жесток ко мне? Разве по-мужски так низко мстить?

- Че, не заводится? - слышу с балкона второго этажа. Какой-то мужик в тельняшке, почесывая пивной живот, обнажает свои редкие зубы. - А вот нехрен на чужих местах парковаться! В следующий раз еще и дворники к стеклу приклею. И резьбу на крышке бензобака. Не поймешь - колеса спущу.

- Так это вы сделали?! - Я растерянно смотрю то на него, то туда, куда только что уехал Демьян.

- А ты докажи! - бросает мне в ответ.

Даже не знаю, отлегло ли у меня... Проблема-то никуда не делась. Только соседа зря обвинила. Хотя поделом ему. Не был бы говнюком, сейчас не подумала бы на него.

Опять слышу шум подъезжающего зверя. Теперь смотрю на него робко, виновато. Он сделал круг по кварталу, но вернулся. Зачем? В этот раз Демьян

выскакивает на улицу, хлопает дверцей и разминает кулак.

- Значит, все-таки проблемы?

- Да не то, чтобы... - бормочу, опустив глаза.

- Я видел, как он тут самодеятельностью занимался. - Демьян кивает на мужчину, и тот молниеносно убирается с балкона. - Когда за минералкой ходил.

Я закатываю глаза. Так обличительно сказал, будто я его помирать бросила.

- Езжай, куда собирался. Сама разберусь. У меня же есть сто баксов, - язвлю с тем же укором.

Демьян открывает заднюю дверь своей машины и кивает:

- Закатывайся, пока не передумал.

Глава 6. Демьян

Плывать я хотел на Колобка и ее проблемы. Просто батя мой - потрясающий троглодит. Девчонка от отчаяния к нему за помощью обратилась, а он ее с дерьмом смешал. Как девку из борделя, в которых всю молодость провел.

- До трамвайных путей довези, а дальше я сама, - бубнит, залезая в мою тачилу.

- Сама по путям покатишься? - Присматриваюсь к ее заднице, обтянутой джинсами, и чувствую, как в паху печь начинает.

Черт, Колобка я бы с удовольствием отодрал. Так, чтобы ног не чувствовала. Аппетитная чика. Походу, сама себе цену не знает. Пузо убрать - и готовый шлифовальный станок. А от мысли, какая она недотрога, и вовсе челюсти сжимаются. Нищая, но гордая. Дешевым подкатом раком не загнешь.

Она усаживается, и мой взгляд падает на ее живот...

Твою мать! О чем я только думаю?! Она брюхатая! В нее впендюрил какой-то Виталик, а я тут слюни распускаю, как бы приударить. Извращенец гребаный!

– Посиди пару минут. – Захлопываю дверь и шагаю к дому, в котором сыкло с очумелыми ручками живет.

Проблем с домофоном не возникает. Набираю номер первой же квартиры, говорю, что я почтальон с квитанциями по квартплате, и мне открывают. Ориентируюсь на втором этаже, звоню в квартиру адепта секты моментального клея. Не глядя в «глазок», мне открывает женщина в засаленном халате.

– Здравствуйте! Вам кого? – Обтирает руки полотенцем, смеряя меня взглядом.

В коридоре появляется чувак в тельняшке. Одной рукой отодвигаю его бабу и вхожу в душную квартиру.

– Эй, ты, обулки хоть сыми! – кричит она мне вслед, а ее муженек драпает в комнату.

Хватаю его за шиворот, дергаю на себя и толкаю к стене.

– Зина! Зина! Милицию вызывай! – верещит сипло, вытаращив зенки.

– Слушай меня внимательно, чмо поганое, и всасывай! – рычу угрожающе. – Ты либо таблетку бессмертия проглотил, либо машиной ошибся, когда аппликации клеил. Я очень надеюсь, что ошибся. Иначе мусора приедут не за мной, а за тобой.

– Ошибся... Ошибся... – бормочет, потея, как конь загнанный.

Отпускаю его и отталкиваю.

– У тебя два часа, чтобы все исправить.

Отряхиваю руки, проходя мимо приклеившейся к стене женщины. Бегом спускаюсь вниз и прямым ходом за руль. Никак не въеду, нахрен за эту идиотку впрягаюсь?!

- Куда тебе? - Бросаю взгляд на зеркало. Сидит в полумраке салона, скромно сжавшись в комок и обняв сумку на коленях.

- Я же сказала...

- Куда, спрашиваю?! Пользуйся, пока такси бесплатное.

Медлит. Секунду думает, глядя в окно на свой убогий драндулет.

- У меня мама в «Камиле» работает. Если ты...

- Мне как раз в ту сторону. - Завожу тачилу и трогаю с места.

- Спасибо, - доносится в спину. Негромко, но как-то искренне, что ли.

- Да не за что. - Включаю радио, ищу волну помощнее.

- Ты к тому мужику ходил?

- Еще чего? Губу закатай, Колобок. Если бы мне было не пофиг, я бы, наверное, притормозил его, когда поймал с поличным. Как думаешь? - Опять смотрю на нее в зеркало, делая музыку громче.

Тускнеет на глазах. Будто последняя искра надежды в лице тухнет. Кому лучше-то сделала, залетев от какого-то недоноска, который за свою бабу вступиться не может? Вроде с характером, а дура душой.

- Ты не в ту сторону едешь? - делает мне замечание минут через пять.

- Мне один дятел косарь торчит. Выбьем и поедим дальше.

- Что значит - выбьем? - офигевающе округляет глаза.

Мля-я-я... В них утонуть можно! До чего же красивая дрянная девчонка. Могла бы содержанкой стать у какого-нибудь папеньки. Ходила бы в мехах, при золоте. Ездила бы на тачке типа моей. Комп бы нормальный себе взяла. Собачку бы завела вместо пуза.

- Ты будешь держать, я - бить. В тебе же сейчас две лошадиные силы, удержишь.

- Ты отвратительный человек, Демьян. - Опять отворачивается. - Высади меня где-нибудь.

- Да не бузи, Колобок. Бабки готовы. Подъедем, заберем - и дальше.

- И ради тысячи рублей ты едешь через полгорода? Сказал бы, я бы заняла.

Рублей? Снова смотрю в зеркало. Так и сидит, отвернувшись. Вполне серьезная. Она правда думает, что я за тысячей рублей еду. Даже не по себе становится от той пропасти, что между нами. А когда торможу возле нужного дома, и вовсе в ступор впадаю. Колобок протягивает мне сто баксов. Те самые, что я к ее ногам швырнул. Как попрошайке. Как собаке.

- Держи. Я знаю, что такое, когда туго с финансами.

Кошусь на нее через плечо. Купюру она распрямила, разгладила. Не удивлюсь, если куда-нибудь на благотворительность пожертвовать собиралась.

- Я не шучу. Бери. Твой отец невозможный человек. Мне бы от такого тоже ничего не надо было. Я вон и от своего квартиру только после его смерти в наследство получила. Он, конечно, магнатом не был. Но мама от него натерпелась.

Деньги беру. Не потому что они мне нужны, а потому что Колобок своим простодушием меня в пластилин превращает. Такая сострадательная, порядочная, дружелюбная. У самой долги по коммуналке, а мне сует бабки, которые ей с неба упали.

- У меня завтра зарплата. Если еще надо, только скажи.

- Ты серьезно? – Сильнее напрягаюсь.

- Еще чего?! – фыркает, откидываясь назад. – Губу закатай! Я вернула тебе то, что ты у меня обронил. Мне чужого не надо. Но и свое не дам. Даже в долг. Особенно тебе!

Усмехнувшись, вылезаю из тачилы. Рыжий уже выходит из подъезда. Замечает движение сквозь стекло и пытается заглянуть.

- Ты с телкой, что ли?

- Здорово! – Пожимаю ему руку и беру бабки. – Глазки поломаешь.

- Юльку обкатываешь?

- Я на лоха похож?! Лучше Серебрянской позвоню, чем за вами огрызки подбирать буду. Братаны, мать вашу.

- Ты вот вообще неправильный пацан, Борзый. Твою Серебрянскую Арс отчебурал, но ты все равно побывал в ней после него. И нос не воротил. Ну и какая разница между ней и той Юлькой?

- Я бухой в доску был, – напоминаю ему.

Из-за Серебрянской-то и пришлось свалить с прежней хаты. Она бы мне там покоя не дала. С моим кузеном кувыркалась у меня за спиной, а потом на коленях ползала, прощение вымаливала, шалава. Еще и меня виноватым выставила. Будто в отместку за мою измену к Арсу на поршень запрыгнула. Только я один раз на стороне оторвался, а она три месяца Арсу отсасывала.

- Ты всегда бухой телок клеишь. Напомнить тебе твою днюху? – похихикивает друг. – Сережку-то ты так и хранишь, что тебе та золушка оставила? – а теперь откровенно ржет, зараза. – Или Серебрянская на нее порчу наслала?

- Диман, тебе зубы мешают, что ли? – фыркаю гневно. Кулак так и чешется втащить ему.

В этот момент моя машина орет клаксоном. Очень надеюсь, что Колобок не ногой до руля дотянулась.

- Кому-то невтерпеж. - Рыжий кивает на тачилу. - Бывай тогда.

Пожав ему руку, возвращаюсь за руль.

- У тебя кислородное голодание, или ты по жизни такая тугая?! - рявкаю на Колобка.

- Вообще-то я беременна! В машине душно. Ты даже кондер не включил!

Не веря, что это происходит со мной, завожу машину и включаю кондиционер.

- Сочувствую твоему Виталику. Из него вышел бы хороший отец, если бы матерью была не ты!

- Он к моему ребенку, слава богу, никакого отношения не имеет! - вдруг выдает Колобок и, прикусив губу, морщится.

На эмоциях спалилась. Теперь сидит молится, чтобы я оказался глухим. Но когда открывает глаза, видит, что пялюсь на нее, повернувшись через плечо. Растягиваю губы, скалясь в бесовской улыбке, и смакую каждое слово:

- Вот так сюрприз...

Глава 7. Стефа

Демьяну только дай повод сосрить. От души на издевках оторвется.

- Жжешь, Колобок, - щерится он. - Так у тебя Габриэлла Космонавтовна?

У меня настолько широко распахиваются глаза, что больно становится. Мало того, что меня задевает его наглость, с которой он полистал мой справочник и

узнал, на каком имени я остановилась, так еще и бесит его уверенность в отсутствии отца у моей девочки.

- Она еще не Габи. Это раз! И второе - с чего ты взял, что она безотцовщина? - Сощуриваюсь, а у самой щеки пылают - и от гнева, и от стыда. Хорошо, что в полумраке салона этого не видно.

- В твоей квартире нет мужских вещей. Даже элементарного - труханов.

- Мы просто не живем вместе, - выцеживаю, злясь еще сильнее от мысли, что мой любимый сосед совал свой нос в мой бельевой шкаф. Вернусь домой - все с хлоркой перестираю!

- И я его очень хорошо понимаю, - усмехается Демьян, заводя машину. - Сам вот думаю съезжать. С тобой даже через стенку жить невозможно. Труба.

- Да ради бога. Я тебе даже помогу матрас сдуть и музыкальную аппаратуру упаковать.

- Колобок, я не врубаюсь, у тебя маманя в прокуратуре работает, что ли? Или в налоговой? Откуда в тебе смелости столько?

- Врожденный дефект. Опыт показывает, что весьма полезный в борьбе со всякой борзятиной.

Радиоволна переключается на забористую музыку, хлестко ударившую по моим воспоминаниям. Нет, отец моей доченьки не космонавт. А ходячий банк норовистых сперматозоидов, с которым я лоб в лоб столкнулась как раз под эти резкие, агрессивные и мощные басы.

Демьян дотягивается до магнитолы и делает тише. Рефлекторно поднимаю руку, чтобы остановить его, и он замечает этот короткий жест в отражении зеркала. Наши взгляды встречаются.

- Колобок, ты так смотришь, как будто у тебя от меня уже трусики намокли, - вышучивает он в своем мегавульгарном репертуаре.

Поведя бровями, отворачиваюсь к окну.

– У тебя сплошная пошлятина на уме.

– Сказала девка с пузом.

Закатываю глаза. Чего я жду от парня, воспитанного животным? И зачем вообще с ним разговариваю?

Решаю отвлечься на собственные заботы. Достаяю телефон и пишу маме сообщение, что подъезжаю к ее бизнес-центру. Не хочу со своим пузом подниматься в ее офис. Заявлю о своей беременности на глазах ее сотрудниц, и тогда маму точно будет не откачать. К тому же не факт, что Демьяна удастся затащить в здание. А мне важно, чтобы он лично ей сказал о том, кем мне приходится и кем не приходится.

«Возьму зонт!» – отвечает мама. Еще одна любительница фыркнуть.

Когда въезжаем на парковку, мама уже выходит из парадных дверей, на ходу запахивая куртку.

– О, теща моя, – смеется Демьян, тормозя.

– Я не буду делать вид, что мне смешно. Потому что пока мы сюда ехали, я получила двенадцать сообщений с одним и тем же поздравлением. Со скорой свадьбой!

– Вот видишь, какой я супергерой. Навел порядок в твоей личной жизни. Теперь с космонавтом поженитесь. Нельзя же оставлять родственников без тещиных блинов.

– Не понимаю, почему я до сих пор разговариваю с тобой? – бурчу, вылезая из машины.

Демьян тоже выходит. Снимает очки и вешает их на горловину футболки. Перекатив во рту комок жвачки, подмигивает мне:

- От меня перегаром не несет?

- А тебе не пофиг? - Хлопаю ресницами. - Тем лучше, маме будет проще распрощаться с иллюзией родства с тобой!

Увидевшая нас мама замедляет шаг. Ее взгляд упирается в мой живот. На секунду она даже притормаживает. Поморгав, идет дальше и постепенно ускоряется. Наверное, надеется, что я ради прикола подложила подушку.

- Классно развели! Молодцы! А на камеру кто снимает? - улыбается нам и обнимает Демьяна. По-свойски. Будто она его мама, а не моя! - Здравствуй, Демушка!

Демушка?!

- Здравствуйте, здрасте, Ульяна Филипповна! - отвечает он в тон, тоже приобняв ее. Еще и все тридцать два обнажает, укалывая меня взглядом. - Как ваши дела? Уладили рабочие вопросы?

Чего?! У меня сумка выпадает из рук от шока.

- Ой, да какой там? - вздыхает мама, нехотя отстраняясь от него. - Все на мне держится.

Я наклоняюсь за сумкой, но Демьян молниеносно поднимает ее, отряхивает и протягивает мне. Если бы еще добавил: «Ты ж мой колобок неуклюжий», - я бы вообще в обморок упала.

Выдохнув, встречаю в их трогательный до глубины души диалог:

- Мама, мы с Демьяном должны тебе кое-что сказать!

- Ох! - Она сентиментально закрывает рот пальцами и искрит глазами. По лицу видно, какое заявление ждет от нас.

Бросаю взгляд на Демьяна. Тот, изогнув одну бровь, пристально смотрит на меня. Жвачку не жует. Напряженно ждет моих слов.

– Ма, ты не о том подумала! – Хмурюсь я. – Я не шутила про тридцать недель. Только прошу тебя, не спрашивай, почему я так долго скрывала. Умоляю. Не сейчас.

Мало приятно делиться с мамой сокровенным в присутствии Демьяна. Достаточно того, что он уже обо мне знает.

– Ну-у-у... ладно, – пожимает она плечами.

– Это еще не все. Демьян тоже хочет кое-что сказать.

Я замолкаю, дав ему слово. Но мой сосед не спешит объясняться. Выдерживает паузу, от которой у меня внутри все закипает. Нашел время и место, чтобы нагнетать, как в телешоу!

– Дем? – Мама переключает свое внимание на него.

Он выплевывает жвачку в сторону и без предисловий заявляет:

– Я хочу жениться на вашей дочери!

Я цепенею в едком ступоре. Последний раз впадала в такой шок, когда тест показал мне две полоски. Будто с ломом в горле поворачиваюсь к Демьяну и нервно улыбаюсь:

– Ты не то должен был сказать. Мама, не слушай его! Это у него шутки такие. Дурацкие.

У мамы же уже слезы на глазах блестят. Картинно смахивает их с гордо поднятой головой и негласным облегчением на лице: «Как удачно я свою старшенькую пристроила к богатенькому жениху».

– Вот видите, Ульяна Филипповна, нам рожать скоро, а она до сих пор отбрыкивается, – артистично жалуется на меня Демьян. – Упрямая, как баран.

– Не то слово, – поддакивает мама. – С рождения такая.

Стиснув зубы, хватаю своего жениха за его дорожную кожаную куртку и оттаскиваю в сторону.

- Отойдем-ка на пару слов, Демушка.

Улыбаясь моей маме самой лучезарной улыбочкой, которую мне хочется стереть с его подкупающе красивой рожи, я толкаю его в плечо и шиплю:

- Ты что городишь?! Какой «жениться»?! Не протрезвел еще? Я могу сумкой по башке огреть! Лучший опохмел! Почтище рассольчика!

- Не безобразничай, Колобок, - посмеивается он, обняв меня одной рукой за плечи и отводя за машину.

Я скидываю с себя его лапу и угрожаю:

- Еще раз тронешь - нос сломаю.

Демьян примирительно поднимает ладони.

- Верю.

- Мне фиолетово, какую незамерзайку ты пьешь, раз такой отмороженный, но если ты сейчас же не скажешь моей маме, что тебя весенним паводком ко мне прибило, я реально потребую у твоего папаши пару лямов на ребенка!

- Так это-то мне и нужно! - воодушевленно говорит он, сверкая глазищами. - Колобок, я те отвечаю, мы оба выиграем от этого брака. Просто послушай.

Скрещиваю руки на груди.

- То есть альтернатива твоего исчезновения из моей жизни - наша свадьба?

- Ты выслушаешь? Или тебе рот зажать, чтобы ты замолчала? - рычит он раздражительно. Я поджимаю губы. Пусть выскажется, а потом выскажусь я! - У меня есть старший брат. Жена, дети, собственный дом, тачила, дача... Ну ты

понимаешь, такой весь правильный, аж зубы сводит. Папаша от радости радугой блюет. Уже половину своего состояния ему отписал. До сети супермаркетов добрался. Я семь лет горбатился в них за позорную зарплату директора, а старик заявил, что я непутевый, бизнес любимому сынулке передать собрался. Если я сейчас себе куш не урву, то к тому времени, когда папаня скопытитя, в наследство останется хрен да маленько, которые поделят между мной и Арсом!

- Между тобой и собакой? - иронично хмыкаю я.

- Арс - это Арсений, мой кузен, - цыкает Демьян. - Он в пятнадцать сиротой остался, и мои предки его усыновили... Долгая история, Колобок! Не о том толкуем! Мой батя сомневается в моей самостоятельности. Но я знаю, как на него надавить. Через маманю. Ты говоришь, у тебя пузу тридцать недель?

- Беременности.

- Неважно. Я от предков в августе съехал. С тех пор даже по мобиле не трепался с ними. Уж если батя решил, что ты от меня раздутая, то маманя и подавно поверит. Убедим их, что у нас любовь неземная. Вячеслав Демьянович Борзых никуда не денется. Устроит свадьбу младшенькому пышнее, чем была у старшенького. И подарком не обидит. Я попрошу сеть супермаркетов. До конца дней при бабках будем, Колобок.

- По-честноку, - вздыхаю я, - так себе подход к выбору будущей жены. - Перекладываю сумку в левую руку и правой со всей дури толкаю Демьяна в его крепкую грудь. - Ты за кого меня принимаешь, кретин?!

- Колобок, да это всем выгодно! Считай, и дочь твоя при папке родится. Если хочешь, под разными одеялами спать будем. Первое время.

Я рычу от злости и, сжав кулак, топаю ногой. Он невыносим!

- Кажется, я тебе уже сказала, у моей дочери есть отец!

- Где? - Демьян разводит руками.

- Мы просто временно не общаемся, - стараюсь говорить как можно спокойнее.

– И это «временно» ты могла бы провести с пользой для вас обеих, – вкрадчиво добавляет он.

– Ты реально думаешь, что после утреннего разговора с твоим отцом-психопатом я соглашусь на эту аферу? Забыл, как он наказал тебе выскрести ЭТО?! – Указываю на свой живот.

– Одна-единственная совместная фотка в соцсетях, и пресса захлебнется сенсационной новостью, что у Вячеслава Борзых скоро будет еще один внук. Репутация у него на втором месте по важности. После денег. Засунет свою гордость в задницу, публично тебя дочкой назовет и в макушку поцелует.

– Фу! – Меня мутит от подобной мысли. – Не знаю, недоношенным ты родился, из коляски в младенчестве выпал, или с верхней полки в поезде «Москва-Владивосток» трижды упал, но головой ты конкретно стукнутой. По крайней мере, уверенность твоего отца в твоей несамостоятельности подтвердилась. Ты ведь за чужой счет хочешь лапу к его состоянию приложить. Взять готового ребенка, в создании которого не принимал ни малейшего участия, выдать за своего и спать спокойно... Я не представляю, сколько мне надо выпить, чтобы хоть как-то это понять...

– Вы там еще долго? – окликает нас мама.

– Еще минуту, Ульяна Филипповна! – отвечает Демьян, не сводя с меня сосредоточенного взгляда. Карие глазки так и пылают диким энтузиазмом, как будто он вывел формулу мира. – Через пару лет разведемся, – выдыхает, сдавшись.

– Когда моя дочь привыкнет к тебе и будет называть папой? Не знаю, в каком жестоком мире ты живешь, Дем, но у меня так не принято. Я не стану играть чувствами своего ребенка. Когда-нибудь ты меня поймешь. Когда сам станешь отцом.

– Ты еще не мать.

– Зато я ее чувствую. Она даже сейчас толкается. Подпинывает меня стукнуть тебя.

– Seriously? Right now? – His gaze drops and lingers at the level of the belly.

– Pretend to yourself, she is alive, not an insensible doll.

He quickly stretches forward his palm, and I turn away.

– Well, Kolobok, it's a pity, isn't it? Let me touch. I never felt, how they bump. Brother's wife had three pregnancies in Germany and she miscarried.

Strange, but in his voice I don't notice greed. As if he really has only a child's curiosity.

I freeze, allowing him to push the edge of my unzipped jacket and place his palm on my belly. It's hot. Even through the fabric of the jumpsuit I feel it.

Daughter quickly lets me know, her lips stretch into a smile. Although I hope, she cut him with her heel, demonstrating her dissatisfaction with his offer.

– Look, he's calming down. – Demyan confidently places his hand on my belly and the other palm. – I like it. In fact, don't I like it? Truth be told, Gabriella Demyanovna? Listen, Kolobok, it sounds like, yes, Gabriella Demyanovna Borzых? And she approaches.

– Ah, as if it were a collective farm cow from Masha's...

– Oh, God!!! – screams the woman who appeared from the car. – How lovely!!! – She throws herself at us and, hugging both, starts crying with joy. – I bless you, my little ones! Be happy!

I close my eyes every day. Mom has one too – she's an actress. In any award category, she's a frontrunner. She cries only in two cases: when she looks at family photo albums, and when it's required for the public.

– Stop being stubborn, Stesha! – says to me, quickly calming down. – The wedding before the birth, you need to play so that the child's family name is in

свидетельстве о рождении стояла.

- Маму надо слушать, - впрягается Демьян, закидывая в рот подушечку жвачки.

И тут я понимаю, что я в тупике. Расходы с рождением дочери увеличатся, а зарплата урежется. У меня долги по коммуналке. Что уж греха таить, машина - развалюха, в поликлинику на ней ездить с младенцем не вариант. На маме моя сестра-студентка, транжира - каких поискать. А родственники после того, как узнают, что я отказала сыну магната (а они об этом непременно узнают!), еще и масло в огонь подливать будут, напоминая, что я дура и сдохну в нищете.

- Ну так что? - лениво жуя, спрашивает Демьян. - Пойдешь за меня?

Косясь на него с желанием превратить его в горстку пепла, буквально выжимаю из себя:

- С удовольствием.

Глава 8. Демьян

Набычилась. Я ей как лучше предлагаю, а она тут свои моральные принципы мне в нос сует. На обратном пути со мной демонстративно не разговаривает. Награждает лишь коротким «Спасибо», когда въезжаем во двор, где нас ждет перевоспитавшийся чувак в тельняшке и спешит отчитаться передо мной, что все в полном ажуре, ключик снова замечательно входит и так же замечательно выходит.

Колобок проверяет, открыв и закрыв дверь своей жалкой машинешки, перегоняет ее в наш двор и топает домой.

- Даже на чай не позовешь? - окликаю ее.

- Бегу печь пирог с яблоками, - фыркает, открывая дверь.

– Да ты ж моя хозяйственная. Как мыло. – Провожая сердитую девчонку взглядом и замечаю, как на меня вылупились бабуся, облюбовавшие качели на детской площадке. – Невеста моя. Обожаю ее.

Жму кнопку на автобрелоке и тоже шагаю домой. Рубит меня. Сначала папаша разбудил, потом Рыжий снесся, что бабки появились. Если бы сразу не забрал, к вечеру он бы их ополовинил. Вот кто к жизни не приспособлен и на мамкиной сиське висит. Но в глазах моих предков именно я – редкостный дармоед и пофигист.

На матрас заваливаюсь прямо в куртке и туфлях. Отключаюсь за секунду и тупо трачу день на сон. Старею. В двадцать пять мог ночи напролет развлекаться, а потом день работать с перерывом на двухчасовой обед. В двадцать семь тусовки стали реже. А сейчас, в тридцать, меня все чаще обуревают желание завязать. Может, теперь получится. Колобок притормозит, переплавит меня, на путь истинный наставит.

Не фантазируй, сказочник! Ты для нее – раковая опухоль. И внутренний мир твой, скорее, будет интересен глистам, чем ей.

Впрочем, она мне тоже не особо сдалась. Сам не знаю, почему уговорил ее на эту авантюру? Как услышал, что ее бывший не автор ее беременности и срок – тридцать недель, так в голове шестеренки и завертели. Но надо признать прикольно мелкие в пузе толкаются. Обидно, что я Колобка раньше не встретил. Вдруг бы сейчас моего пацана вынашивала. Я-то точно размениваться на девчонок не стал бы. Сразу бы богатыря заделал.

Просыпаюсь от телефонного звонка. В комнате темень. Глаза продирать бесполезно. Я продрях весь день. Щурясь, читаю на экране «Рыжий» и подношу мобилу к уху.

– Какого тебе надо? – бурчу сонно.

– Я тебе два часа назад сообщение кинул. Понимаю, ты с телкой, но тема в твоих интересах.

Скидываю звонок и, потирая затекшую рожу, сажусь. В мессенджере среди тонны сообщений выискиваю Рыжего. Ссылка на какое-то бюро находок в

соцсетях с постом от августа месяца и вопрос: «Не твоя сережка?»»

Увеличиваю фото и моргаю. Вроде похожа. Кидаюсь к коробкам с барахлом, отыскиваю мешок со всякими безделушками и достаю маленький футляр. В нем в точности такая же серьга. Дешевое золото триста семьдесят пятой пробы в форме листика с простой стекляшкой в сердцевине.

Улыбаюсь, как дегенерат, вбивая в телефонную книгу номер девчонки из поста. Немедля звоню. Даже не верится, что она наконец-то нашлась! А если бы я больше времени листал сообщества с потеряшками нашего города, то не упустил бы из вида этот пост. Ведь она не серьгу ищет. Надеюсь. А меня!

– Алло, – голос уставший, низкий, чуть хрипловатый. Похоже, разбудил красотку.

Стоп! С чего ты взял, что она красотка?! Может, там жаба закуренная!

– Привет! – начинаю смело, расхаживая по комнате. – Я звоню по объявлению...

– До восьмого марта мест нет.

– Что? – Не въезжаю, о чем она. Заработалась, походу. Администрирует какой-нибудь отель или салон. – Я по объявлению о потерянной сережке. Ты не поверишь, но она у меня.

Девушка по ту сторону замолкает. Даю ей время отойти от шока и продолжаю:

– Крошка, а ты можешь сказать, где потеряла ее? Для меня очень важно найти обладательницу именно этой пары.

– Вероятно, в отеле «Лагуна». В ночь со второго на третье августа.

Да! Да, черт возьми, это ты, детка!

Я закусываю кулак, чтобы от всколыхнувшегося в крови адреналина не заорать в трубку. Спугну еще. А я не для этого искал ее. Запала она мне. В душу. В сердце. В печеньку. Под кожу пролезла. Как она целуется, как стонет, как выгибается. Я же этот шепот, эти формы охренительного тела до сих пор помню. Никто до

этого так не одурманивал. Серебрянская со своим фальшивым оргазмом там рядом не валялась.

Я же после той ночи был сам не свой. Две недели этой золушкой грезил, пока Серебрянская не нашла у меня серьгу и не закатила скандал. Пришлось признаться и вину заглаживать. До ноября еще протянул. Потом застукал ее с Арсом. На коленях передо мной ползала, прощение просила, меня виноватым выставила. В новогоднюю ночь добилась своего: залезла на меня, когда я загашенный был. Вот и пришлось с той хаты на новую перебираться. Эта пришибленная не оставила бы меня в покое, уверенная, что я ее простил и мы снова гребаная пара.

– Именно там я ее и нашел, – отвечаю, уже спеша в ванную. Надо зубы почистить, душ принять, побриться, причесаться. – А когда и где мы можем встретиться? – Сдергиваю с себя куртку и туфли, молясь, чтобы чика была из нашего города!

– Я щас не занята. В пяти кварталах от «Лагуны» живу.

Слышу, как лопается пузырь жвачки. Начинаю напрягаться, но запоминаю адрес. Говорю, что приеду через час.

Как-то не так я представлял себе наш первый с ней трезвый разговор. Мне казалось, голосок у нее нежнее, да и манеры более гладкие. Решаю не бриться. Наспех умываюсь и, сунув футляр с сережкой в карман куртки, опять обуваюсь.

Выйдя из квартиры, сталкиваюсь с Колобком.

– Осторожно! – голосит, когда я ее едва не сбиваю с ног. – С тобой по соседству уже даже мусор вынести опасно для здоровья!

Косится на меня, пузо свое обнимая. Смеряю ее взглядом. Контратаковать бы ее фразой: «Не шуми, Колобок, когда поженимся, мусор выносить будет муж», – но вспоминаю, с кем отправляюсь встретиться, и еле сдерживаюсь, чтобы не сказать ей: «Забудь мое предложение». Ведь если я действительно перепил в ту ночь и чпокнул крокодила, то Колобок – мой запасной вариант. А если я сейчас увижу богиню, то потом как-нибудь разрешу вопрос с этим брюхатым недоразумением.

– Не спросишь, куда собрался на ночь глядя? – подшучиваю, запирая дверь.

– Очень надеюсь, что сброситься с моста, – ворчит она и скрывается в своей квартирке.

Да, если я женюсь на тебе, то именно такой финал меня и ждет. Фак!
Погорячился я с опрометчивыми предложениями.

Вызвав лифт, получаю сообщение от золушки: «Подъедиш пазвани».

Хотя... Может, и не погорячился.

Еду как можно медленней. Торможу на каждом светофоре. Я столько месяцев ждал этого дня, а теперь очкую. Не впечатлился телефонным разговором. Предчувствую, что и очная встреча разочарует. Неужели я себе нафантазировал секс с настоящей царицей? Ее нежность, грация, утонченность мне померещились после безмерно влитого в себя алкоголя? Или она только на фоне Серебрянской огонь?

Подъезжаю к нужному дому, паркуюсь у подъезда и еще минут пять кручу мобилу в руке. Свалить и забыть? Или рискнуть и глянуть, что за цыпа? Надо все варианты разглядеть, пока я на себя не надел ошейник в виде обручального кольца.

Звоню и оповещаю, что приехал.

– Бегу! – выкрикивает в трубку девка, заставив меня отнять мобилу от уха.

Окей, если что, просто отдам серьгу.

Выхожу из тачилы и, сунув большие пальцы в карманы джинсов, распрямляю плечи. Отсчитываю секунды, слушая долбящую в динамиках музыку. Даже немного волнуюсь.

Наконец дверь распахивается.

На улицу вылетает какая-то блондинистая ошибка природы. Без преувеличений. От силы полтора метра ростом, с пучком пережженных волос на макушке, ярко крашенными губами, в кожаной мини-юбке и обтягивающей кофточке, с десятком лишних килограммов, заметных по складкам по бокам. Огромные серьги-кольца в ушах, капроновые колготки-сетка, старомодные туфли на платформе. Ее как будто вырвали из времен рубежа веков и закинули в психологически неподготовленное к такой неопишуемой красоте будущее в моем лице.

– Привет! – лыбится мне, гоняя жвачку языком. – Руслана! – Протягивает мне свою наманикюренную руку, а я уже задерживаю дыхание от ее ядовито-терпких духов.

Сколько же я тогда выглотал, раз не замечал всего этого?

– Прокопий, – отвечаю и вынимаю футляр из кармана. Подаю ей. – Твоя сережка?

Девушка лопает пузырь, открывает крышечку и кивает:

– Ага. Так это ты, что ли? – Оглядывает меня с головы до ног и, переведя взгляд на тачилу, присвистывает.

– Нет, не я. – Возвращаю ее бегающие глазки к себе. – Мы с моей невестой в «Лагуне» отдыхали пятого августа и нашли сережку под кроватью в номере...

– «Тринадцать»? – Руслана снова лопает пузырь и жует дальше.

Дьявол! Это реально она!

– Да, в нем самом. Собирались оставить у администраторов, но так были увлечены друг другом, что прихватили с собой. Надеюсь, обид нет?

– То есть ты не зависал вечером второго августа в «Альбатросе»? – продолжает напирать она, составляя в моей памяти картину из деталей паззла.

Снова прохожусь по ней взглядом. Да, она безусловно там была. В этих же шмотках и с этой же глупой прической.

– Я не знаю, что такое «Альбатрос», – вру, готовя ключи, чтобы рвануть отсюда. – Я не здешний. Вот проездом в вашем городе оказался. Думаю, дай-ка позвоню.

Сощуривает свои серые глазки, как будто говорит: «Ну ты и заливаешь! Я же тебя прекрасно помню! Как ты мял мои дыньки...»

Меня начинает мутить. Не то чтобы я брезговал определенным типом женщин, просто именно эта звезда вообще не в моем вкусе. И у меня в голове не укладывается, что я пил в ту ночь, раз мозги совсем отключились?!

– Ну я поехал, – киваю ей и залезаю в тачилу.

Сразу же поднимаю стекло, заводжусь и трогаюсь с места. Мне однозначно пора бросать бухать. Это уже не звоночек, а колокол! А что, если бы этот кашалот залетел от меня?! Вряд ли я был в состоянии натянуть гондон на свой болт. Я даже под угаром не представляю себя в роли отца ее детей! Бр-р-р... Уж лучше воспитывать Габриэлли Демьяновну. Будем с ней на яхте кататься, уток на пруду кормить, в теннис играть. Черт, да пусть она даже резиночки мне в волосы вплетает, только лишь потому что от одного вида ее мамашки у меня стояк колом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/leya-keyn_/privet-sosed

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)